

В разных концах нашей страны вдруг вспыхнули разговоры о судьбе Союза писателей России, о погубленном государственным отношением к писателям вообще. Воспламенились притухшие за годы гуманитарной разрухи аналитические выводы, снова наострились указующие персты (что надо делать), вспомнились главные виновники.

Две литературные газеты, телепрограмма «Спас» обсуждают заплесневевшую беду.

У нас на Кубани писатели скромно ожидают чьей-то милости и молчат.

Как-то я опубликовал в журнале «Родная Кубань» две тоскующие статьи о нашем старом краснодарском Союзе писателей, о том, как мы жили, выступали на собраниях, выпускали в местном издательстве свои книжки, частенько выгуливались маленькими бригадами в районы, где нас с охотой слушали в клубах и на фермах, начальство возило по угожьям и рыбным затишьям, — словом, о том процветании писателей, которое устроила с давних времен советская власть и так называемый «сталинский» Союз писателей. Времена революционно изменились, и что мы пожинаем? Тяжелой тучей висит над нашим литературным миром вопрос: почему так? почему в один миг писатели оказались ненужными в родном Отечестве, отовсюду фактически изгнанными, даже бывших удобных помещений лишившимися? Ну да, капитализм, ну да, рынок, но все-таки, все-таки: как могли почти те же самые люди, призывавшие вчера еще «воспи-

тывать народные массы», вмиг перекинуться в стан противников всяких... «нравственных задач?» Почему за четверть века никто из влиятельных лиц не пожелал, чтобы в провинции, поблизости от казенных домов, развивалась родная литература, были созданы условия для приветствия и поддержки нечаянно появляющихся свежих дарований? Загадка? Четверть века надевают черкески казаки, считают себя «отдельным народом» и не замечают, что у них нет литературы, нет писателей. Разве не нуждается Кубань в талантливом воплощении в письменности?

Вот какое недоумение не дает покоя. За те же самые годы истрачено на издание разной бумажной продукции (и художественных книг прежде всего)... миллионы рублей! Но что это за книги, что за продукция? Ответ будет нехорошим. Народных денег не жалко, но на что!? Так и выпирает в общественной «миссии», службе ... уже позволительная неопасная безыдейность.

Союз писателей численно разросся, но напоминает маленький клуб художественной самодетельности.

Что же делать? На что и на кого надеяться? Нужен ли Союз писателей на земле или лучше перекочевать всем на небеса, в Интернет? Туда вход свободный, там раздольно, туда уже улетают все, кому не лень, там образовалась вроде бы та же жизнь. Но что-то мистическое, безатмосферное есть в той новой реальности. Привычной ... художественно общаться на земле.

Поневоле вспомнишь золотое нетехноло-

гическое время, когда книгу держали в руках, а писатели чувствовали, что они нужны.

Я был принят в члены Союза писателей СССР в 1966 году. Как раз в феврале исполнилось тому полвека. Но отпраздновать (хоть легонько) негде и не с кем: из старого нашего Союза осталось трое (двоим по 90 лет), помещение, в котором мы встречались на собраниях и просто так, давно демократические начальники отобрали, новых писателей переселяют из одного тесного городского угла в другой, ничего похожего на наш литературный быт нету. Писатели, вскочившие в Союз в новое время, творческой близости к старшим в себе не ощущают, обычных традиций – вспоминать круглые даты ушедших давнишних коллег (первых казачьих писателей – тем более) – не соблюдают, порою даже и не знают истории кубанской литературы и Союза писателей. Никогда вы не увидите в холле, коридоре или в кабинете ответственного секретаря несколько почтенных портретов на стене, напоминающих о былом составе организации. Исчезла некогда огромная библиотека. С некоторых пор стало казаться, что под марку «Краснодарское отделение Союза писателей России» пристроились совершенно чужие люди. В рядах писателей уже тесно как в вечернем трамвае. В нашем, «сталинском» Союзе, годами колебалась численность от 30 до 35 человек.

Раньше в Союз писателей принимали не одним махом, не по звонку в Москву и не за то, что кто-то «со связями» добыл спонсорскую помощь. Бесконтрольный набор в члены Союза обесценил статус этой организации, превратил ее разумную закрытость в «проходной двор».

Местная писательская элита свободно печаталась в Москве. Некоторые – в самых солидных журналах. Имя Г. А. Федосеева, которого на Кубани забыли с какой-то шикарной легкостью, было известно в Европе, в Америке, в Японии. Власть чувствовала себя обязанной осознать, что без признания роли литературы нет смысла рассуждать о культуре вообще.

На отчетно-выборных собраниях обязательно присутствовали секретарь крайкома КПСС по идеологии, заведующий отделом пропаганды, инструкторы, начальник управления культуры. Так требовал государственный этикет. Они же и помогали писателям в житейских и издательских делах. Я работал учителем под Анапой, после опубликования первых произведений в «Новом мире» попробовал перебраться в Краснодар, жил в доме тещи, и всего ... через год получил двухкомнатную квартиру. Вся моя речь к тому, что мы, советские писатели (презираемые после ельцинского переворота «совки»), горя не знали и не могли бы пропасть в любом случае, поскольку все творческие работники страны довольствовались старательной помощью государства. Я тут промолчу об идейных препонах, но это уже отдельный разговор: идеология была тогда железной.

Нынешним писателям о нашей бытовой жизни можно лишь мечтать. Мы ведь и пенсию получили как ... литераторы. И не такую маленькую, как моя супруга-учительница.

В ту пору, когда я готовился и писал роман «Наш маленький Париж», новых моих вещей не появлялось в печати, гонораров, значит, не было, но нисколько не боялся я, что окажусь нищим, и о деньгах не думал вообще; главное – роман, старина, чудные прототипы!

Так мы жили. Тиражи книг – сотни тысяч, миллионы (в «Роман-газете») экземпляров.

А сейчас я сам продаю свою книгу. Тираж 3000. Пишу главам районных администраций, в отделы культуры. На казаков не надеюсь. А написал-то я о священных углах Русской земли и о других святынях – «Тут и поклонился» называется. И мне не 30 лет (когда вышла моя первая книга в Москве и в Новосибирске – тиражом 50 000 и 30 000 экз.), а 80.

Так мы живем теперь.

Вот потому в московских литературных газетах, на телевидении раздались голоса, – всем хочется, чтобы на писательские страдания (да,

да) обратило внимание высшее руководство страны, краев и областей.

Но!

Сами писатели (особенно в провинции) должны серьезно задуматься над тем, какова же их художественная и гражданская высота. Порядки порядками, «страны той уже нет» (это так), но правила искусства одни и те же веками: правда, красота, одухотворенность, конечная польза и прежде всего талантливость!

Литературный процесс на Кубани прервался. И чего ждать?

Пора всколыхнуться и поговорить со всей откровенностью о домашних творческих делах, показаться хоть немножко, объяснить, отчето кроме материальных просьб, ничего от писателей не услышишь, отчего нету в печати ни очерков, ни статей, написанных с сокровенным сочувствием народной жизни, отчего не сочинилось ничего пламенного даже в защиту интересов местного Союза и т. п. Может, такой час пришел.

Всему обществу нельзя делать вид, будто образовавшаяся пустота — явление незначительное.

Может, и в капиталистических условиях найдется патриотический выход.

.....

В день написания этих заметок выскользнули (как нарочно) из моей архивной папки «Писатели» такие вот лично-общественные реликвии, которые лежат и лежат как что-то обычное, использованное.

В. И. Лихоносову. 3 февраля с. г. состоится писательское собрание с повесткой дня: «Насущные задачи кубанской литературы». Ответственный секретарь Краснодарского отделения Союза писателей РСФСР И. Варавва, 1971 г.

.....

ПРАВЛЕНИЕ ордена Ленина Союза писателей СССР

приглашает ЛИХОНОСОВА В. И.

пожаловать на прием по случаю окончания Пятого съезда писателей СССР

в пятницу 3 июля 1971 г. в 12 часов.

Прием состоится в Большом банкетном зале Кремлевского Дворца съездов.

.....

Помню так ясно, будто это было вчера.

Русские, татары, украинцы, белорусы, чеченцы, калмыки, буряты, чувашы, эвенки, нивхи, якуты, евреи, азербайджанцы, грузины, армяне, таджики, узбеки, казахи, киргизы, молдаване и др. и др. дружно облепили длинные столы, выслушивали тосты, поглядывали на правительство, шумели, поближе познакомились, что-то друг другу обещали. Кто-то вскрикивал: «Приезжай, барашка будет», а кто-то вдруг признавался дальнему коллеге, как полюбился ему его роман о Чингис-хане, звали в Алма-Ату, на Кавказ, в Якутию, в Самарканд. Поближе к правительственному поперечному столу скромно трапезовали на ногах знаменитые старики — К. А. Федин, Л. М. Леонов, Г. М. Марков, Г. Г. Абашидзе, М. П. Бажан, А. А. Прокофьев, Н. С. Тихонов, И. С. Соколов-Микитов, О. Т. Гончар, М. А. Ибрагимов, А. Е. Корнейчук, А. А. Сурков, М. В. Исаковский, А. А. Первенцев, Б. М. Кербабаев, М. Турсун-заде, Ю. И. Смуул. И повсюду за столами имена помоложе и много иностранцев (Альберто Моравиа, Арман Лану и др.) — все-все, чьи фамилии еще недавно я мог приметить только в литературных газетах и журналах.

Бывший учитель из Анапы, написавший «Чалдонки» и «Люблю тебя светло», ехал домой на юг с чувством «и я там был, мед-пиво пил» и подумывал, какие вещи вставит в однотомник, который предложил ему издать в «Молодой гвардии» генеральный директор В. Н. Ганичев. Тираж будет 100 000! И развезут книгу по всем городам и весям СССР. Из дальних сибирских деревень и кишлаков Средней Азии придут письма в издательство, а оттуда попадут ко мне.

Вот так нас баловали. ■

Февраль 2017 г.